

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.15.68.087

К вопросу о сущности обязательства в материалистической концепции правопонимания

Гордин Михаил Александрович

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30-32, а;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируется феномен обязательства применительно к формированию концепции материалистического правопонимания. Автор критически исследует мнения разных ученых-юристов относительно сущностных характеристик обязательства, соотнося их с общими положениями марксизма о характере имущественных отношений в человеческом обществе. Делается вывод о том, что противоречивый характер обязательства может быть успешно понят только при помощи диалектического марксистского подхода к этому вопросу. В заключении показано, что нужно отграничивать перемещение между действительными правовыми индивидами вещей, денежных средств, земли, имущественных прав, результатов работ и услуг, интеллектуальных результатов и пр., являющихся объектами права гражданского, от иных объектов собственности в их материалистическо-правовом понимании. Так, к примеру, с нашей точки зрения, перемещение между действительными правовыми индивидами судебных функций, чиновных должностей есть тоже отношения собственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордин М.А. К вопросу о сущности обязательства в материалистической концепции правопонимания // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 56-63. DOI: 10.34670/AR.2024.15.68.087

Ключевые слова

Обязательство, правоотношение, материалистическое правопонимание, К. Маркс, теория государства и права, имущество.

Введение

Следует отметить, что несмотря на то, что обязательство является одним из основных понятий юриспруденции, в течении многих лет, до сего дня не прекращаются дискуссии о том, как всеобъемлюще, полно сконструировать формулировку, обозначающую данный феномен. Так или иначе, практически все ученые сходятся во мнении, что в основе обязательства лежит имеющее определенные характеристики правоотношение, существующее между как минимум двумя лицами.

Между тем в процессе развития юриспруденции мнение о существе обязательства менялась сообразно с изменениями производственных, материальных отношений. Как отмечает А.А. Дарков, «появление обязательственных отношений произошло гораздо позднее появления института вещных прав и поначалу обязательственные правоотношения мало отличались от вещных» [Дарков, 2019]. Причиной к тому ученый называет отсутствие у большинства населения в древние времена какой-либо существенной имущественной обеспеченности, поэтому «изначально обязательственное отношение устанавливалось не как право требовать совершения определенных действия со стороны должника, а как право на него самого, не такое полное как в отношении рабов, но близкое к нему» [там же]. Посчитаем интересным привести в этом контексте рассуждения проф. И.Б. Новицкого о римском понимании обязательства, подтверждающие тезис выше: «по представлению римских юристов в обязательстве заключается известная связанность. Обязательство <...> — правовые оковы: на человека, передвигавшегося до установления обязательства свободно, как бы надевают *путы*, которые стесняют его движения, заставляют чувствовать чужое *господство над собой*. Надо заметить, что в древнейшую эпоху «оковы», «связанность» не были только фигуральными выражениями. В законах XII таблиц содержалось постановление, из которого видно, что неоплатного должника связывали веревками или цепями, причем предусмотрительно нормировался даже вес надевавшихся цепей (15 фунтов). Должника, не уплатившего в срок своего долга, кредитор мог захватить (даже без суда), а затем убить или продать в рабство» [Новицкий, 2017].

Основная часть

А.А. Дарков выделяет следующие этапы в развитии обязательственных правоотношений. Изначально обязательство представляло из себя практически господство над должником со стороны кредитора; затем господство над должником уменьшается в объеме, становится частичным, появляются различные льготы по исполнению обязательства; в последствии обязательство превращается в право требования определенных действий, «однако должник не попадает под господство кредитора».

Правильность вышеприведенных измышлений можно проиллюстрировать словами немецкого юриста первой половины XIX в. Ф.К. Савиньи, исследовавшего наследие юристов Древнего Рима, т.е. продукт античного рабовладельческого общества. Ученый утверждал, основываясь на римской догме, что «обязательство состоит в господстве над чужим лицом, но не над всем лицом (иначе оно вело бы к уничтожению личности), а только над одиночными его действиями, которые могут быть представлены выделенными из свободы этого лица и подчиненными нашей воле» [Савиньи, 2004]. Отметим сразу, что настоящее определение впоследствии подвергалось критике за то, что в нем «нет указаний ни на социально-экономическую сущность обязательства, ни на его юридические признаки» [Попондопуло,

2009].

Дальнейшее развитие юридической науки, ведущееся уже в период буржуазного общественного строя, привело к изменениям в понимании того, что есть такое обязательство. Известный русский цивилист дореволюционного времени, профессор Г.Ф. Шершеневич определял обязательство как «юридическое отношение, из которого обнаруживается право лица на известное действие другого определенного лица» [Шершеневич, 2005].

В XX в. отечественные правоведы продолжали свои изыскания в области обязательственного права, пытаясь более серьезно углубиться в проблему, вскрыть социально-экономические предпосылки, материальное существо таковых отношений. М.М. Агарков, продолжая усматривать образующее содержание деятельности в обязательстве, трактовал последнее как «гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (или несколько лиц) имеет право требовать от другого лица (или нескольких других лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия» [Агарков, 1940].

С точки зрения С.И. Вильнянского, обязательство есть «гражданское правоотношение, которое является юридическим выражением отношений обмена» [Вильнянский, 1958].

Развивая данную мысль, О.С. Иоффе заменил одностороннее слово «обмен» на более широкий термин «перемещение», включив таким образом в категорию обязательства больший спектр действий лиц, обозначив, в итоге, обязательство как «закрепленное гражданским законом общественное отношение по *перемещению* имущества и иных результатов труда, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий и обусловленного этим воздержания от совершения определенных других действий» [Иоффе, 1967].

Осмысливая точку зрения О.С. Иоффе, современный исследователь-цивилист В.Ф. Попондопуло, оценивая необходимость отразить в определении категории обязательства сложную диалектику взаимного влияния правовой формы и материальных жизненных отношений, справедливо ссылается при том на знаменитое письмо Ф. Энгельса к К. Шмидту от 27.10.1890 г., где немецкий мыслитель довольно тщательно описывает взаимодействие и противоречия материальных экономических отношений и права. Таким образом, В.Ф. Попондопуло приходит к выводу о том, что обязательство – это «относительное гражданское правоотношение по перемещению имущества и иных результатов труда, имеющих имущественный характер, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных активных действий, либо совершения определенных активных действий и обусловленного этим воздержания от совершения определенных других *действий*, либо только воздержания от совершения определенных действий, а другое лицо (должник) обязано исполнить долг в пользу кредитора».

Итак, приведя мнения нескольких авторитетных ученых юристов, высказанных ими в соответствующей хронологической последовательности, соотнесем приведенное с постулатами концепции *юсматериализма*.

Следует, для начала, отметить, что с материалистическо-правовой точки зрения упрек, приведенный нами выше по отношению к Ф.К. Савиньи в том, что его определение не имеет указания социально-экономической сущности обязательства, высказан не вполне заслуженно. Действительно, на первый взгляд, Савиньи говорит лишь о господстве над определенными действиями обязанного лица, т.е., в частичном господстве кредитора над должником, которое связывает, в известном смысле, волю и свободу должника. При этом немецкий правовед ничего не говорит об обмене или перемещении имущества, что, конечно не помешало бы данному им

определению в плане конкретизации, однако в целом, Савиньи точно уловил материалистическо-правовую сущность обязательства.

Что же по данной проблематике мы можем найти в работах классиков марксизма? К. Маркс в своих работах детально рассмотрел такой вид деятельности, как материальное производство, осуществляемое в рамках отношений найма труда. Для нашей работы будет интересным анализ трактовки К. Марксом обращения рабочей силы в буржуазном обществе, что дает возможность посредством его выявить сущностные характеристики обязательства в объективе юсматериализма.

Вообще, К. Маркс понимал под рабочей силой «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости». Товарный характер рабочей силы определяется условиями, что а) ее продавец (назовем его для простоты «работник») может ей распорядиться, а, следовательно, он является собственником своей личности – то есть выступает в обороте как юридически свободное лицо; б) работник и покупатель рабочей силы являются равноправными товаровладельцами – то есть имеет место *формальное равенство*; в) работник предоставляет рабочую силу лишь на время, ибо он «постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, <...> поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее», как от совокупности свойств и способностей себя самого – ведь рабочая сила как способность не может отделиться от тела работника (хотя затраченный труд последнего будет потом овеществлен в произведенных продуктах во время наемной работы).

Ввиду того, что рабочая сила пускается в ход (реализуется) в виде производительной деятельности, то есть совокупности действий, совершаемой ее собственником, а продажа рабочей силы составляет суть обязательственное правоотношение, посчитаем возможным сделать некоторые выводы из вышесказанного.

Итак, работник продал свою рабочую силу, не делимую от его личности покупателю, то есть, вступил с ним в обязательственное правоотношение, в котором он выступает должником в смысле необходимости работать (то есть осуществлять производительную деятельность – совершать условленные действия) в пользу покупателя (как кредитора) известное время, а последний, в свою очередь, имеет право требовать от работника означенных действий в виде приложения их к средству производства в период рабочего времени.

На этом этапе необходимо дать пояснение, что: а) данное обязательство является двусторонним, ведь капиталист, в свою очередь, в общем-то обязан выплатить пролетарию стоимость его рабочей силы, являясь в данном случае должником (хотя, за созданную прибавочную стоимость капиталист, естественно, не заплатит); б) со стороны читателей по отношению к автору могут возникнуть замечания о некорректности примера: отношения найма труда – сфера трудового права, а не гражданского. Однако в данном случае пример корректен, т.к., во-первых, описанные отношения могут оформляться с разной степенью законности как подряд, оказание услуг и т.п., а не только как трудовые; во-вторых, само по себе трудовое право как отрасль выделилась из гражданского права лишь в конце XIX в., к тому же ученые отмечают, что «трудовое и гражданское право имеют определенное сходство по предмету и методу, а также связаны с регулированием общественных отношений в сфере применения труда» [Карпов, 2003], являясь смежными отраслями, поэтому в рамках предмета нашей работы это обстоятельство не существенно.

Таким образом, из анализа обязательства, предпринятого нами на классическом марксовом

примере купли-продажи товара «рабочая сила», мы можем заключить следующее: Ф.К. Савиньи верно указал, что в по сути своей обязательство является правоотношением, подразумевающим господство кредитора над частью личности обязанного ему должника, в том смысле, что господство над «одиночными его действиями, которые могут быть представлены выделенными из свободы» должника и составляют известную часть должниковой личности, ведь, согласно материалистическому учению К. Маркса, именно созидательная, преобразующая деятельность (включающая в себя деятельность по производству и деятельность коммуникационную [Verkehr]) и является сущностной характеристикой человека как субъекта отношения с миром. Так, П.Н. Кондрашов пишет, что «для Маркса сущностью человека является сознательная, преобразующая продуктивная деятельность» [Кондрашов, 2019].

Интерпретируя сказанное выше, можно в общем виде заключить, что в обязательственном правоотношении кредитор выступает как лицо, обрётшее в свое обладание *часть личности* должника, заключающуюся в определенной условиях такого обязательства деятельности, которую должник обязан совершить в пользу кредитора. В этом смысле справедливо будет привести слова К. Маркса о том, что «исполнение мною моих обязанностей есть частная собственность кого-нибудь другого» в таком ракурсе кредитор и выступает в роли собственника, обладающего известной деятельностью (совокупностью акций деятельности), или, что равносильно, частью человеческой сущности, личности должника. Отметим, что успешное раскрытие проблематики теоретической двойственности характера обязательства осуществляется при помощи именно принципов материалистической диалектики, которые дают возможность исследователю правильно уяснить противоречивое единство сторон исследуемого юридического феномена.

Вместе с тем, не меньшую значимость для определения категории обязательства имеет и то, что оно является отношением по перемещению имущества и результатов труда, как указывали О.С. Иоффе и В.Ф. Попондопуло. Так, если бы этого условия не было, а обязательство понималось бы лишь как господство кредитора над частью личности должника через известную его деятельность (совокупность акций деятельности), в таком случае определение было бы чрезмерно широким, в частности, под него могли бы попасть:

а) такие формы правоотношений, как зависимость вольноотпущенника-либертина от своего бывшего господина - патрона в Древнем Риме или феодальная зависимость крепостного от помещика. Для краткого примера можно привести хотя бы права патрона на т.н. «obsequium», заключающуюся в невозможности либертина вызвать на суд бывшего хозяина или в «oregae» [Новицкий, 2017], то есть в обязанности совершать услуги по требованию патрона. Так, в первом случае либертин вынужден был воздерживаться от определенного действия, а во втором – совершить некоторую деятельность в отношении патрона, таким образом патрон мог, выражаясь словами Ф.К. Савиньи, подчинить своей воле часть личности своего либертина. Однако, в данном случае совершенно ясно, что описанные выше правоотношения не являются гражданско-правовыми обязательствами в силу того, что и крепостной, и либертин не равны в правах со своими господами, а для гражданского обязательства необходимым условием является, как минимум формальное равенство его сторон. Даже в приведенном ранее примере о пролетарии и капиталисте, находящимся в обязательстве по купле-продаже товара «рабочая сила», при том, что в буржуазном обществе существует экономическое принуждение к труду, которое заставляет пролетария вступать в такое правоотношение в силу существа способа производства (см.: Маркс К. Капитал. Книга первая. отд. 3, 4), тем не менее с формально юридической точки зрения и капиталист, и пролетарий выступают как свободные равные в праве лица.

б) если представить себе определение обязательства Ф.К. Савиньи представленным вне правового контекста, как абстрактное господство некоего лица над действиями другого лица, которые подчинены воле первого, то, в условиях неконкретизированности характера и целей названного господства под таковым можно понять *любое* подчинительное влияние одно индивида в направлении другого, например, родительский авторитет, любовную страсть или морфинистское пристрастие. Действительно, в силу известных общественных, психических и (или) физиологических обстоятельств, и малолетний ребенок, и страстно влюбленная девушка, и морфинист находятся в существенной зависимости соответственно от родителей, юноши-объекта любовной страсти или наркоторговца. И такая зависимость, естественно подразумевает, при желании к тому, возможность подчинить своей воле определенные действия зависимых людей, господствовать над ними в некотором поведенческом отношении. Однако, абсолютно очевидно, что подобные формы зависимости и зависимых действий (акций деятельности) могут быть, разве что, предметами педагогических книжек, любовных романов или уголовных дел, но никак не предметом обязательства. Именно поэтому указание на то, что содержанием обязательственного правоотношения является перемещение имущества и результатов труда, высказанное советскими и современными учеными-юристами, является краеугольным моментом, отделяющим господство над волей в юридическом смысле слова от иных форм такового.

Заключение

В связи с вышесказанным следует заметить, что имущество и результат труда, на которые указали О.С. Иоффе и В.Ф. Попондопуло, с точки зрения юсматериализма, нужно понимать, соотнося такое понимание с тем, как мыслил категорию собственности К. Маркс, а он понимал ее в достаточной мере широко. Это очень важно в смысле разграничения отраслей по предмету; ведь, по К. Марксу всякое право есть отношение, существующее между действительными индивидами по поводу их отношений собственности с предметами таковой (как вещественными, так и духовными) как со своими (*eigene tun* – делать своим). В этом смысле нужно отграничивать перемещение между действительными правовыми индивидами вещей, денежных средств, земли, имущественных прав, результатов работ и услуг, интеллектуальных результатов и пр., являющихся объектами права гражданского, от иных объектов собственности в их материалистическо-правовом понимании. Так, к примеру, с нашей точки зрения, перемещение между действительными правовыми индивидами судебных функций, чиновных должностей есть тоже отношения собственности (*см. подробнее: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 345-346*), только таковые подпадают под регулирование соответственно не гражданско-правовой отрасли, а входят в предмет административного, конституционного права и т.д.

Библиография

1. Бобылев А. И. Правопонимание и принципы права // Право и государство: теория и практика. – 2009. – №. 3. – С. 6-11.
2. Воронин М. В. Мера права и ее критерии в контексте современных теорий правопонимания // Юридический мир. – 2018. – №. 3. – С. 57-60.
3. Косых А. А. Интеллектуальная природа права в основных концепциях правопонимания // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – №. 4. – С. 709-720.
4. Кускашев Д. В. Дискуссионные проблемы соотношения материалистической и позитивистской концепции правопонимания // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре

- общества XXI века: сборник науч. – 2015. – С. 451.
5. Левакин И. В. Прогресс правопонимания: историко-материалистический подход // Журнал российского права. – 2017. – №. 12 (252). – С. 13-22.
 6. Осипов М. Ю. Об оценке методологического потенциала некоторых концепций правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – №. 7. – С. 15-30.
 7. Палеха Р. Р. Правопонимание в контексте современной правовой науки // Российское правосудие. – 2009. – №. 4. – С. 23-31.
 8. Петухова А. В. Развитие социологического правопонимания в России // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №. 2. – С. 469-470.
 9. Фролова Е. А. Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Государство и право. – 2009. – №. 4. – С. 63-73.
 10. Школдин К. В. Реализация концепций правопонимания в нормативно-правовых актах // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2020. – 2020. – С. 54-57.
 11. Дарков А.А. Обязательства в современном гражданском праве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №3. С. 53.
 12. Новицкий И.Б. Римское право: учебник. М.: Кнорус, 2017. С. 150.
 13. Савиных Ф.К. Обязательственное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 12-16.
 14. Попондопуло В.Ф. Обязательственное право: общая характеристика и проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2009. №1. С. 8.
 15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005. С.8.
 16. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1940. С. 13.
 17. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. С. 273.
 18. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. С. 6.
 19. Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27.10.1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.
 20. Маркс К. Капитал. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 178.
 21. Карпов А.В., Колесникова И.В. Сравнительный анализ гражданских и трудовых правоотношений // Бухгалтер и закон. 2003. №1 (49). С. 2.
 22. Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: экзистенциально-антропологические аспекты. М.: Ленанд, 2019. С. 63.
 23. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 346.

On the question of the essence of obligation in the materialistic concept of legal understanding

Mikhail A. Gordin

Graduate student
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 30-32 a, Kanala Griboedoba emb.,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the phenomenon of obligation in relation to the formation of the concept of materialistic legal understanding. The author critically examines the opinions of various legal scholars regarding the essential characteristics of the obligation, correlating them with the general provisions of Marxism on the nature of property relations in human society. It is concluded that the contradictory nature of the obligation can be successfully understood only with the help of a dialectical Marxist approach to this issue. In conclusion, it is shown that it is necessary to distinguish between the movement between actual legal individuals of things, money, land, property rights, results of work and services, intellectual results, etc., which are objects of civil law, from other

objects of property in their materialistic legal understanding. So, for example, from our point of view, the movement of judicial functions and official positions between actual legal individuals is also a property relationship.

For citation

Gordin M.A. (2024) K voprosu o sushchnosti obyazatel'stva v materialisticheskoi kontseptsii pravoponimaniya [On the question of the essence of obligation in the materialistic concept of legal understanding]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 56-63. DOI: 10.34670/AR.2024.15.68.087

Keywords

Obligation, law relationship, materialistic legal understanding, K. Marx, theory of state and law, property.

References

1. Bobylev A. I. Legal understanding and principles of law //Law and the State: theory and practice. - 2009. – No. 3. – pp. 6-11.
2. Voronin M. V. The measure of law and its criteria in the context of modern theories of legal understanding //Legal world. – 2018. – №. 3. – Pp. 57-60.
3. Kosykh A. A. The intellectual nature of law in the basic concepts of legal understanding //Penitentiary science. – 2021. – vol. 15. – No. 4. – pp. 709-720.
4. Kuskashev D. V. Debatable problems of correlation between the materialistic and positivist concepts of legal understanding //The role of intellectual capital in the economic, social and legal culture of society of the XXI century: a collection of scientific. - 2015. – p. 451.
5. Levakin I. V. Progress of legal understanding: a historical and materialistic approach //Journal of Russian Law. – 2017. – №. 12 (252). – Pp. 13-22.
6. Osipov M. Yu. On the assessment of the methodological potential of some concepts of legal understanding in modern legal science //Journal of Russian Law. – 2021. – vol. 25. – No. 7. – pp. 15-30.
7. Palekh R. R. Legal understanding in the context of modern legal science //Russian justice. - 2009. – No. 4. – pp. 23-31.
8. Petukhova A.V. The development of sociological legal understanding in Russia //World of science, culture, education. - 2012. – No. 2. – pp. 469-470.
9. Frolova E. A. Methodological foundations of differentiation of concepts of legal understanding //State and law. – 2009. – №. 4. – Pp. 63-73.
10. Shkoldin K. V. Implementation of concepts of legal understanding in normative legal acts //Current problems of science and practice: Gatchina Readings-2020. – 2020. – pp. 54-57.
11. Darkov A.A. Obligations in modern civil law of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No.3. P. 53.
12. Novitsky I.B. Roman law: textbook. M.: Knorus, 2017. p. 150.
13. Savigny F.C. The law of obligations. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. pp. 12-16.
14. Popondopulo V.F. Law of obligations: general characteristics and problems // Leningrad Law Journal. 2009. No.1. p. 8.
15. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. Vol. 2. M.: Statute, 2005. p.8.
16. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. Moscow: Gosyurizdat, 1940. p. 13.
17. Vilnyansky S.I. Lectures on Soviet civil law. Kharkov: Publishing house of Kharkov. unita, 1958. p. 273.
18. Ioffe O.S. Soviet civil law. Moscow: Yurid. lit., 1967. p. 6.
19. Engels F. Letter to Konrad Schmidt dated 10/27/1890 // Marx K., Engels F. Soch. Vol. 37. p. 418.
20. Marx K. Kapital. Book 1. The process of capital production // Marx K., Engels F. Soch. Vol. 23. P. 178.
21. Karpov A.V., Kolesnikova I.V. Comparative analysis of civil and labor relations // Accountant and the law. 2003. No. 1 (49). p. 2.
22. Kondrashov P.N. Karl Marx's Philosophy: existential and anthropological aspects. Moscow: Lenand, 2019. p. 63.
23. Marx K. On the criticism of the Hegelian philosophy of law // Marx K., Engels F. Soch. Vol. 1. p. 346.